

ЗВЕНО

ZVENO ("Chaînon")

Еженедѣльный литературный журналъ подъ редакціей М. М. Винавера и П. Н. Милюкова
Journal hebdomadaire. — Directeurs : M. Vinaver et P. Milioukov

Цѣна отд. № 50 сѣнт. — Въ Франціи — 75 сѣнт.

Le numéro — 50 c. — Etranger — 75 c.

4-ый годъ
изданія

№ 157

Адресъ конторы: 26, rue Buffault, Paris 9^e

Въ этомъ номерѣ 16 страницъ.

Содержаніе:

Стихотворенія, представленныя на 2-ой литературный конкурсъ „ЗВЕНА“ (стр. 7)

Литературныя бесѣды
ГЕОРГІЯ АДАМОВИЧА

О мемуарной литературѣ
М. ВИНАВЕРА

Андрѣ Лотъ М. ВЕЙДЛЕ

Мюзикъ-холль ТЕАТРАЛА

Томасъ Маннъ въ Парижѣ. О.

Концерты въ старомъ Петербургѣ
Н. К.

Искусство марксистское и звѣриное
Н. БОРАТОВА

Новая пьеса Франсуа Мольнара

Сердце Маріи (рассказъ)
ИРИНЫ ОДОЕВЦЕВОЙ

Отклики СИЗИФА

“Горе отъ ума” въ Англии Г. Л.

ЗА НЕДѢЛЮ (Политическій обзоръ ***. — Финансовый обзоръ П. АПОСТОЛА).

Совѣтскій языкъ В. И. — Леонъ Додэ о Толстомъ. — Хроника литературы и искусства. — Отзвыы о книгахъ. — Шахматы подъ ред. ЕВГ. ЗНОСКО-БОРОВСКАГО.

Условія подписки см. 16 стр.

Литературныя бесѣды

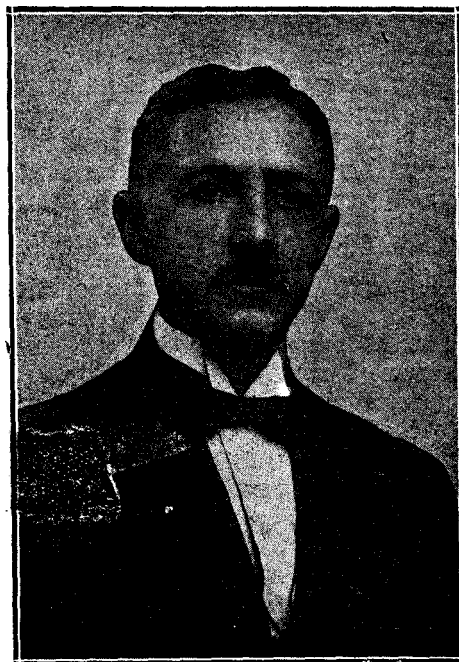
«Митина любовь» вышла отдѣльнымъ изданіемъ, вмѣстѣ съ другими болѣе короткими рассказами.

Я читалъ повѣсть Бунина недавно. Мнѣ казалось, что я хорошо знаю ее. Но раскрывъ книгу, я, какъ и въ первый разъ, не могъ отъ нея оторваться. Повѣсть очаровываетъ и «пронзааетъ».

Прочтя «Митину любовь» впервые, я не доумѣвалъ. Какъ могъ Бунинъ эту вещь написать? Слишкомъ непохожа она на его другія вещи. Теперь, читая короткіе рассказы, напечатанные вмѣстѣ съ «Митиной любовью», я еще болѣе недоумѣвалъ. Какое противорѣчье между этими вещами, какая пропасть! И вдругъ, смутно, неясно представилось мнѣ, что «Митина любовь» есть «ключъ» къ Бунину, несмотря на кажущуюся свою неожиданность. Объ этомъ я и хочу рассказать.

Что удивляетъ въ «Митиной любви»? Прежде всего, тонъ ея, напряженный, взвинченный, приподнятый, тревожный, очень «городской». И вмѣстѣ съ этимъ, вообще чуждымъ Бунину, тономъ въ повѣсти несомнѣнно есть сочувствіе къ герою, къ жертвѣ, къ Митѣ, даже любовь къ нему.

Перечитывая все написанное Бунинымъ прежде, понимаешь, что это на рѣдкость пристрастный художникъ. Мнѣ дѣлится для него на двое, и только одну половину міра онъ признаетъ и любитъ. Дѣленіе это произведено не по моральнымъ, эстетическимъ и ужъ, конечно, не по политическимъ признакамъ. Нѣтъ, это

И. А. Бунинъ

все признаки ничтожныя и пустые, слишкомъ грубые и точные. Мнѣ раздѣлентъ на свѣтлое, простое, доброе, здоровое, бодрое, громкое, съ одной стороны, и темное, молчаливое, сложное, лживое съ другой. Давно кто то сказалъ: «Богъ задумалъ мнѣ въ простотѣ, все смущающее пришло отъ дьявола». Кажется, Бунинъ могъ бы повторить эти слова. Онъ любитъ только Божію — въ этомъ смыслѣ — часть міра, и среди людей только божіихъ, а не дьяволовыхъ подданныхъ. Объ этомъ можно было бы написать многія страницы. Я принужденъ ограничиться только намекомъ.

Этотъ основной, упрощенно - здоровый отбѣнокъ бунинскаго творчества сдѣлалъ

его одинокимъ въ современной литерату- рѣ. Особенно же въ современной поэзи. Не случайно онъ, единственный изъ всѣхъ остался совершенно чуждъ символизму, не поддался зазываніямъ декадентскихъ сиренъ. Въ этомъ прелестъ его поэзи, и въ этомъ же все таки ея порокъ. Его поэзи не прошла какого то испытанія, она только обошла его. Но то, что Бунинъ никогда, ни на минуту не былъ декаден- томъ, доказываетъ его высокую сознатель- ность, его художественную честность. Ис- креннимъ, честнымъ, сознательнымъ со- ратникомъ Брюсова Бунинъ, конечно, быть не могъ. Декадентство и символизмъ были ему глубоко чужды, враждебны, непонятны. Перечеркнуть декадентство, т. е. все то, что въ поэзи пошло отъ Бод- лера и что въ Россіи вдругъ вспыхнуло въ 90-хъ годахъ, нельзя. Но думается, что Бодлеръ и всѣ его внуки и правнуки въ поэзи были все таки усложненіемъ, мира, торжествомъ «умышленности», на- чаломъ разрыва духа и плоти и въ дале- кихъ, но неизбежныхъ перспективахъ на- чаломъ конца. «Богъ задумалъ міръ въ простотѣ». Бунинъ ругательски ругалъ символистовъ, глумился надъ ними, но въ глубинѣ сознания онъ, вѣроятно, чувство- валъ, какал въ декадентствѣ скрыта от- рава. Толстой едва ли чувствовалъ это, несмотря на всю свою прозрачность, — другой возрастъ, другой кругъ мыслей! Толстой хотѣлъ надъ Бодларомъ отъ души, съ убѣжденіемъ. Но Бунинъ долженъ былъ понять, что въ поэзи, въ области чи- стаго духа, есть соблазнъ не ограничить- ся одной только простотой, здоровьемъ, жизненной силой, а уйти въ «умышлен- ность», оторваться отъ вселенной естествен- ности, перестать цѣнить ее и, пусть цѣной вѣчной гибели, купить какое то неслы- ханное уточненіе, создать «новый міръ подъ небомъ новымъ». Бунинъ отвернул- ся отъ соблазна. Отблескъ «новаго неба» который есть въ стихахъ даже раскаяв- шихся декадентовъ, у него нѣтъ. Былъ Майковъ, Ал. Толстой, послѣ нихъ явил- ся поэтъ Бунинъ. Никакой пронасти меж- ду ними какъ будто и не лежитъ.

Прочтите восьмистишіе Бунина «Поэ- тесса». Сколько злобы и насмѣшки въ описаніи «декадентки»:

Большая муфта, блѣдная щека,
Прижатая къ ней томно и любовно,
Угломъ колѣни, узкая рука...
Нервна, притворна и безкровна.
Все принца ждетъ, котораго все
нѣтъ,
Глядитъ съ мольбою, горестно и
смутно...

Но вѣдь этой «смутной и горестной» поэтессой могла бы быть и Анна Ахматова! Бунинъ, конечно, понимаетъ это. Но ему нѣтъ дѣла до эстетики, онъ осуждаетъ міръ, которымъ живетъ «поэтесса»: ея пещаль, ея предчувствія, неисцѣлимую скуку, ея «вывертъ», какъ бы не видя всего

того, что за этимъ вывертомъ стоитъ, — въ планѣ общеисторическомъ или обще- культурномъ.

Пора вернуться къ «Митиной любви» Въ сущности Митя — мальчикъ простой, здоровый и добрый, такой, какихъ любить и беретъ подъ свое художественное по- кровительство Бунинъ. Отсюда и его со- чувствіе къ нему. Но самая любовь Ми- ти, его безконечная страсть, неутолимая, губительная, декадентская по привкусу, ахматовская, бодлеровская — Бунину по дупи быть не можетъ. Проще должно все прійсходить въ «простомъ» мірѣ. Бунинъ описываетъ въ разсказѣ «Русакъ», какъ его пріятель убилъ на охотѣ зайца и какъ онъ съ «непонятнымъ наслажденіемъ» гладилъ «закаменѣвшую тушку» убитаго звѣрька... О, это понятно! Это міръ цѣль- ный и ясный. Но «темная и страстная» любовь Мити — въ тѣхъ областяхъ, куда онъ заглядывать не любитъ. Скрытый смыслъ повести въ томъ, что Митя влюб- ленъ не въ какую либо подобную себѣ дѣвушку, а въ Катю, дѣвицу «безумно любящую искусство», актрису, поклонни- цу музыки Скрябина. Гибель Мити, какъ жертва, определена не самой его любовью, а вторженіемъ въ его жизнь враждебнаго и опустошающаго начала. Катя — существо ничтожное и взбалмошенное. Но за Катей тянется все то, съ чѣмъ она свя- зана: тревога въ жизни, поиски какихъ- то радостей внѣ назначеннаго человѣку

круга, «умышленность», отсутствіе про- стоты, скука — все «дьяволово». Катя даетъ тонъ любви Мити, и Бунинъ лишь какъ правдивый художникъ, передаетъ этотъ тонъ, сочувствуя обреченному, сла- бому Митѣ.

Митя пріѣзжаетъ изъ Москвы на лѣто въ деревню. «Поѣздъ со стукомъ сталъ переходить на другой путь... Боже, какъ по деревенски жалокъ и милъ работникъ, ждущій барчука на платформѣ! И далека, столичная красота Кати вспыхну- ла въ воображеніи еще ярче...» Конечно, въ жизни Бунинъ навсегда увелъ бы сво- его Митю въ «жалкую и милую» дерев- ню, спасъ бы его. Но въ искусствѣ онъ оставляетъ его одного, уже больного, за- раженнаго, на вѣрную гибель. Трудно найти примѣръ болѣе краснорѣчиваго и многозначительнаго слова, чѣмъ слово «столичный» въ приведенной мною фра- зѣ.

«Мой любимый, мой единственный» пи- шетъ Катя Митѣ въ деревню. Чувствуете ли вы фальшь и ложь этого тона? Митя не чувствуетъ, у него «земля плыветъ подъ ногами». И впереди — то, что боль- ше всего ненавидитъ Бунинъ: смерть.

Все, что давно хотѣлось ему сказать, договорилъ Бунинъ въ своей послѣдней, прекрасной, полной «ужаса и жалости» повѣсти.

Георгій Адамовичъ.

О мемуарной литературѣ

Литература эта у насъ очень молода и вся почти связана съ революціей Стремленіе сохранить въ памяти потомства вѣрный образъ явленій, порясашихъ до корней нашу жизнь, ко- нечно, только естественно. Естественъ и огромный спросъ на такую литературу — среди людей, выброшенныхъ изъ род- ныхъ угловъ, уходящихъ цѣликомъ въ воспоминанія о прошломъ, страстно ищущихъ объясненія обрушившихся на нихъ несчасть. Но это итеритнѣе жаж- дущихъ правды и торопливая готовность удовлетворить ее не всегда идутъ въ прокъ подлинной исторической истинѣ.

Русская революція несомнѣнно вызва- ла къ жизни произведенія, достойныя занять выдающееся мѣсто въ историче- ской литературѣ. Такова «Исторія вто- рой русской революціи» Миллюкова и «Очерки русской смуты» Деникина. Однако, это не мемуары, а исторія. Миллюковъ самъ отказывается квалифи- цировать свой трудъ, какъ мемуары: «Цѣль автора въ этой книгѣ идетъ даль- ше личныхъ «воспоминаній»... Вводитъ читателя въ интимную атмосферу собы-

тій, доступную только для ихъ непосред- ственнаго участника показалось бы и нескромно и черезчуръ субъективно.» Деникинъ не ограничиваетъ такъ рѣши- тельно своей задачи, но и по общему плану книги и по его исполненію «Очерки» также являются скорѣе исторіей, чѣмъ мемуарами, — и при томъ исторіей, не отвѣчающей требованіямъ научнаго метода. Расширяя базу своего историческаго анализа, Деникинъ захва- тываетъ области, въ которыхъ онъ не былъ причастенъ, и о которыхъ судить по пер- ресказамъ или по никому невѣдомымъ частнымъ запискамъ. Достоверность этихъ записокъ и выводовъ изъ нихъ не под- дается никакой проверкѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ нагроможденіе этого, чуждаго Дени- кину, матеріала, явно вытѣсняетъ под- линный мемуарный матеріалъ, — подчасъ смѣшивается съ нимъ, лишая и личныя наблюденія той привлекательности и си- лы, которая даются только ощущеніемъ подлинности описываемыхъ пережи- ваній.

Чисто мемуарныхъ трудовъ, соответ- ствующихъ по своему размаху грандіоз-